

crime & private

Анна
Данилова

Страна кривого
зазеркалья

Он знает себя и не знает нас. Не так говорят в кино.
он слышит нас как будто не слышит нас.

Анна Данилова

Страна кривого зазеркалья

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183839
Страна кривого зазеркалья: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-34271-6*

Аннотация

Кто бы мог подумать, что жизнь этой успешной женщины оборвется так внезапно. Совсем недавно она еще радовалась вновь обретенному счастью с любимым мужчиной. И вдруг в один прекрасный день, вернее, в одну страшную ночь все кончилось. Ее убили на пороге собственной квартиры выстрелом в голову... Лариса Иванова была психологом, и психологом очень хорошим, опытным. Но то, чем она занималась незадолго до своей смерти, казалось довольно странным... Уж не сошла ли Лариса с ума? Нет, конечно, нет ничего удивительного в том, что молодая женщина сама печет торт у себя дома. Вот только форма торта выглядела несколько необычно: искусно выполненный шоколадный гроб, украшенный золотистыми кремовыми оборками...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	42
Глава 6	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Анна Данилова

Страна кривого зазеркалья

Дорогой читатель ЛитРес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне - любви -
то самое вечное счастье!

Учитайте, познавайте и
используйте удовольствие от
книг! И творите сами!

Анке Ваниной (федос)

Глава 1

Она сама нашла себе эту работу; пришлось потратить много сил и времени на то, чтобы уговорить хозяйку этого дорогого, ориентированного на московских клиентов пансионата, расположенного в живописном сосновом бору на берегу Волги, взять в свой штат, помимо косметолога, еще и психолога. Лариса Иванова, несмотря на свои тридцать два года, была уже опытным психологом и успела поработать в интернате, школе, реабилитационном центре. Последнее место работы, где ей приходилось консультировать и буквально приводить в чувство женщин, подвергавшихся насилию в семье, женщин, над которыми измывались их мужья, едва не привело ее саму к депрессии. А может, еще и потому, что помимо этого она вынуждена была подрабатывать ночными дежурствами на телефоне доверия – дополнительная нагрузка. Это было тяжело, невыносимо тяжело. Она сидела в плохо освещенном кабинете старого, полного непонятных звуков, разрушающегося и словно разлагающегося дома (городского кризисного психологического центра) совершенно одна и часами слушала монологи какого-нибудь одинокого или просто больного человека, грозившего подчас (в случае, если она не выслушает его до конца и не даст совет) покончить с собой. Таких звонивших было, к счастью, немного, но они выматывали нервы и силы так, что впору было самой

звонить какому-нибудь психологу, чтобы спросить, как можно ей выжить в условиях такой тяжелой и неблагодарной работы с мизерным окладом, учитывая возросшую квартплату и цены на рынке. Случалось, конечно, что на основной работе ее клиенты в знак благодарности платили ей за консультацию наличными – маленький гонорар, но на эти деньги можно было в лучшем случае купить немного фруктов или мяса, чтобы набраться сил для следующего дня.

Личная жизнь тоже не складывалась, да и не могла сложиться в принципе, потому что Лариса практически нигде не бывала и никого не видела – она постоянно работала. Ранний брак, закончившийся крайне неудачно, но сохранивший ей хотя бы маленькую квартирку, которую ей удалось превратить в свою собственность, принес одни разочарования, хотя и свободу, которой она очень дорожила. Ее муж, попытавшийся во время полной экономической неразберихи в стране начать свой бизнес, вскоре разорился, стал пить, а потом и вовсе сбежал к матери в Ригу, успев вовремя подписать важные для Ларисы документы, связанные с квартирой и разводом, и даже оставить ей немного денег на первое время. Иногда ей казалось, что этого брака, продлившегося два года, и не было, что все это ей приснилось. И лишь когда она входила в квартиру и видела в крохотной передней на стене репродукцию с голубыми танцовщицами Дега, любовно повешенную Артуром едва ли не в первый день их совместной жизни, она понимала, что брак все-таки был.

Правда, произошло в ее женской жизни и еще кое-что, о чем она вспоминала с радостью и болью одновременно. Это случилось два года тому назад, но ей не верилось, что прошло так много времени, настолько свежи были воспоминания. Однажды жарким июльским днем, когда силы ее были на исходе (в то лето она подрабатывала воспитателем в летнем детском лагере, и ей пришлось следить за детьми сразу из двух отрядов – заболела одна из воспитателей), она, вдруг бросив все, как будто ее кто-то позвал (благо в лагере был тихий час и ее никто не хватился), вышла на дорогу лишь с маленькой сумкой в руке и остановила первую попавшуюся машину с просьбой довезти ее до ближайшего пляжа. Она приблизительно знала, где сможет расслабиться и отдохнуть от этого непрерывного детского визга и того груза ответственности, который ей не давал покоя и порой лишал даже сна. Ее подвез какой-то веселый парень, который тут же начал к ней клеиться, просить «телефончик». Но она, заплатив ему немного, вышла неподалеку от лагеря, нашла крохотный песчаный, окруженный спокойными сгорбившимися ивами пляж, разделась и сразу же бросилась в воду. И поплыла. Она долго плавала, потом как-то легко научилась отдыхать на спине, погрузив наполовину голову (затылок вместе с ушами) в прохладную воду и раскинув руки и ноги звездой. Так, ровно дыша и не прилагая никаких усилий, она могла пролежать в воде сколько угодно. Вот только солнце палило нещадно, и она боялась, что обожжет кожу лица, особенно

нежный для такого пылающего солнца нос. Она не помнила, сколько пробыла на пляже, но, отдохнув и набравшись сил, поняла, что пора возвращаться в лагерь. Она перевернулась на живот и поплыла к берегу. И ужасно испугалась, увидев сидящего на песке рядом с ее одеждой мужчину.

– Не бойтесь, я не убийца и не насильник... Просто ехал, устал, жара... Решил вот искупаться, отдохнуть... – И с этими словами этот раздетый, в одних плавках, мужчина легко вскочил и бросился в воду. – Я ждал, когда вы выйдете на берег, чтобы не испугать вас там, в воде...

Ему на вид было лет тридцать пять. Его машина, темно-синяя иномарка, стояла за ивами, сверкая своими новенькими боками.

...Она провела с мужчиной несколько часов, до вечера, под ивами... Даже имени его не знала. А потом попросила отвезти ее в лагерь. Она понимала, что этот мужчина – из другой жизни, что у него таких, как она, сотни, готовых отдаться ему... Понимала она также и то, что он из желания продлить удовольствие может приехать к ней в лагерь, чтобы возобновить отношения, а потом все равно бросит. Сколько подобных историй выслушала она от женщин на своих консультациях, и кто, как не она, знала, чем это все может закончиться. Выход был один – немедленно исчезнуть из лагеря. Сказав начальнику лагеря, что она серьезно заболела, Лариса выехала оттуда этим же вечером на лагерном автобусе в город, дома хорошенько выспалась, а утром поехала

к тетке в деревню. Она знала, что этому незнакомцу ничего не стоит вызнать ее городской адрес в лагере, а уж у тетки ее точно никто не найдет. Да и не больно-то нужно... Хотя мужчина был, был, и она потом долго чувствовала на своих губах прикосновение его губ, его рук, его ласку... С другой стороны, она долго не могла простить себе, что вот так легко отдалась первому встречному, словно так сильно хотела пить, что приняла бы глоток воды от любого...

Но все это было в прошлом. Сейчас она работала в пансионате «Сосновый бор» и была вполне довольна своей жизнью. Питалась она в пансионате, клиентов по ее душу было немного, зато зарплата такая же, как если бы она работала психологом сразу в трех местах. Она была при деле; хозяйка пансионата ее очень уважала и являлась, по сути, едва ли не единственной ее клиенткой (обретя в Ларисе прекрасного слушателя, она могла часами изливать той свои проблемы, уверенная в том, что ей непременно помогут, подскажут, посочувствуют и направят мысли в нужное русло). Зарплата же в чистом виде откладывалась на покупку шубы. Кроме этого, ей нравилась сама атмосфера этого пансионата, расположенного прямо в сосновом лесу, да еще и на берегу Волги. Это было чудесное, спокойное место. Лариса подолгу гуляла, загорала на чистом, ухоженном пляже, а в положенное время принимала скучающих отдыхающих. В основном это были мужчины-бизнесмены, иногда попадались заместители

министров, министры, люди из администрации президента или же местных органов власти.

Хозяйку пансионата звали Алиса Борисовна. Ей было под пятьдесят, но выглядела она значительно моложе. Пользуясь услугами штатного косметолога, совсем молоденькой девушки Кати, превосходно знающей свое дело и обладающей экстрасенсорными способностями, Алиса, как звали хозяйку все работники пансионата, не уволила бы ее, равно как и Ларису, даже в том случае, если бы услугами косметолога и психолога не пользовался никто из приезжающих. Но услугами косметолога и маникюрши теперь и мужчины активно пользуются, что же касается Ларисы, то и она была все же востребована. Помимо постоянной клиентуры (несколько человек, мужчин, среди которых известные всей стране общественные деятели, политики), она занималась и с другими отдыхающими, консультировала порой супружеские пары или целые семьи, оказавшиеся в кризисной ситуации, а иногда просто выслушивала пьяные откровения людей, которым надо выговориться, излить душу. А потому уволить ее означало бы опустить планку пансионата ниже и лишиться влиятельных гостей удовольствия общения с хорошим психологом. Алиса обычно предупреждала Ларису о том, кто записался к ней на консультацию. Будучи женщиной внешне утонченной и женственной, Алиса все же в первую голову была человеком деловым и даже грубоватым и резким, особенно в своих характеристиках, и поэтому могла, позвонив

по внутреннему телефону в кабинет Ларисы, сказать с присущей ей прямоотой: «К тебе через полчаса придет бандит. Будь с ним поосторожней. В свое время они начинали вместе с Липатовым...» – или что-нибудь в этом роде. Но таких отдыхающих можно было по пальцам пересчитать.

– Сегодня к тебе – никого, отдыхай, птичка, – услышала она голос Алисы по телефону и облегченно вздохнула.

В тот день в пансионате ждали важных гостей, и Алиса прилагала все усилия, чтобы угодить им. Готовился банкетный зал, на дубовых столах расстилались вышитые итальянские скатерти. В кухне на огромной электрической плите жарились мясо и рыба; из погреба было поднято вино, много шампанского. Горничные в который раз вытирали несуществующую пыль в комнатах, садовник только успевал принести срезанные розы с клумб, чтобы Алиса собственноручно ставила их в большие хрустальные вазы в холле и банкетном зале. Словом, работа кипела, и лишь Катя с Ларисой были, к счастью, не задействованы в этих приготовлениях.

В комнату Ларисы, расположенную в самом конце длинного коридора, с окнами, выходящими на сосны, заглянула Катя. Глаза ее сияли.

– Пошли прогуляемся... Я знаю одну поляну, где осталось еще немного земляники... Правда, она перезрела, но ужасно сладкая... Только оденься не для лесной прогулки – юбка, блузка...

Лариса и без того понимала, что форма одежды в панси-

онате играет большую роль и что Алиса всячески пресекает попытки своих молоденьких сотрудниц выглядеть более привлекательно. В пансионат специально привозят девушек на автобусе по просьбе гостей. Вот эти девушки подчас бьются совсем раздеты, и от них за версту пахнет любовью. Эти девицы – головная боль Алисы. От них в пансионате больше всего случается неприятностей. Особенно Алису раздражает то, что проститутки, перебрав спиртного, портят постельное белье... Но все равно это весьма прибыльный бизнес. И главное – гости довольны. «И куда же от них, от этих шлюх, денешься? Так уж устроен мир», – повторяла Алиса всякий раз, провожая взглядом автобус, увозящий девушек обратно в город.

– Да земляника уже вся сошла, июль...

– Пойдем, тебе говорят. Если мы сейчас не уйдем, нам найдут какое-нибудь дело. Заставят цветами заниматься, Алиса уже все пальцы себе исколола розами. Вот увидишь, она вспомнит о нас... загрузит работой...

– Ладно, уговорила... Плед брать?

– Конечно, бери. И плед, и книжку свою. Полежим на поляне, может, поспим. Знаешь, мне так нравится здесь... Хоть бы подольше все так и оставалось. Публика тут солидная, мне иногда такие чаевые дают... А у тебя как?

– А я Алису ублажаю. Но мне она нравится. Сильная личность, вот только у нее проблемы с мужем, с сыном... Они же ее почти не видят. А она и семью хочет сохранить, и в

бизнесе остаться. Муж ревнует ее...

– Да это понятно... Ну ладно, я буду ждать тебя возле клумбы с флоксами, позади складов, там тропинка, иди по ней, меня и догонишь...

Лариса отложила книгу, встала с кровати и потянулась. Сегодня банкет, подумалось ей, действительно гостям будет ни до косметологов, ни до психологов. Этим надо воспользоваться. Она надела синюю плиссированную юбку, белую блузку, но в пляжную сумку все-таки бросила шорты, майку и купальник. Затем, подумав немного, достала из холодильника большую бутылку холодной минеральной воды, пакет с зелеными яблоками, которыми ее угостили на кухне, и книжку – толстый детектив Жапризо.

Глава 2

Женя Жукова и Шубин поженились в марте, Женя была на шестом месяце беременности и постоянно хотела есть и спать. Юлия Земцова – хозяйка детективного агентства «Крымов и К» (никто так и не понял, почему она решила назвать агентство именем своего бывшего мужа и, главное, что означает эта буква К) вышла замуж на этот (третий) раз за лучшего друга Крымова, Патрика Дюваля, и жила с ним в Париже. Крымов, прилетевший за ней в Саратов накануне 8 Марта, узнал об измене жены от Шубина с Женей и долгое время пил у себя в городской квартире, после чего исчез, никому ничего не сказав и даже не позвонив. Внезапно в конце июня он объявился в Саратове снова, свежий, бодрый, на редкость трезвый, и вдруг с опозданием почти в четыре месяца начал расспрашивать Игоря Шубина о Земцовой: когда приехал в Саратов Патрик, какое дело они расследовали в то время и чем все закончилось, а именно, нашли ли убийцу старшеклассницы Оли Неустроевой, что говорила Земцова о нем, о Крымове, и как она вообще посмела все бросить, взять дочь и уехать в Париж, даже не поставив об этом в известность его, законного мужа? Но так случилось, что Таня Бескровная, новый работник агентства – перспективная, очень энергичная и умная особа, которая в силу природных качеств, а также приобретенных очень быстро освоилась со

своими обязанностями и стала первой помощницей неутомимого Шубина, – однажды, задержавшись вечером на работе и случайно услышав разговор Крымова с Шубиным, внутренне возмущившись тем, каким требовательным и недопустимым тоном Крымов разговаривает с ее шефом, прямо в лицо высказала Крымову все то, что думали о нем, в сущности, все, кто знал историю его взаимоотношений с Земцовой. Она уложилась в несколько жестких и довольно грубых фраз, которых вполне хватило для того, чтобы Крымов все понял и ушел, громко хлопнув дверью. Эта сцена словно оказалась точкой, поставленной в конце этой истории. Что же касается личности самой Тани Бескровной, то она своим трудолюбием и, главное, результатами работы расположила к себе со временем даже самого Виктора Львовича Корнилова – следователя прокуратуры по особо важным делам, сотрудничавшего с агентством и получавшего свои проценты с гонораров. Кроме того, Таня Бескровная представила Шубину свою тетку, Лидию Андреевну, заведующую экспертно-криминалистической лабораторией, в подчинении которой вот уже несколько лет работала Нора – эксперт, все последние годы активно сотрудничающая с агентством. Вот только с судмедэкспертом Лешей Чайкиным Таня Бескровная не нашла общего языка – после того как Леша бросил пить, у него сильно испортился характер, и работать с ним стало просто невозможно. Его не интересовали ни деньги, ни хорошая закуска (все то, чем его раньше можно было отблагодарить, не

чувствуя себя обязанным) и вообще ничего. Он находился в мрачном, подавленном состоянии, казалось, он потерял вкус к жизни. Корнилов объяснял это химическими процессами, которые происходили с ним после того, как он прошел курс лечения от алкоголизма. Шубин же почему-то решил, что Чайкин влюбился. Таня с Женей пытались выяснить, в кого, но так ничего и не узнали. И только когда в городе объявился Крымов (первые дни никто не верил, что космополит Крымов, в основном работающий в Европе, вернулся в Саратов), а рядом с ним замаячил призрак одной особы, о которой в агентстве не любили говорить, – Нади Щукиной, бывшей секретарши агентства, стало кое-что проясняться. Выспросив у Шубина все о Наде и узнав о том, что ее с позором выставили за дверь агентства после того, как она попыталась приложить руку к драгоценностям Фаберже и проверить сделку за спиной своих товарищей, а также то, что она была в свое время в близких отношениях с Чайкиным, Таня решила, что именно появление в городе Щукиной и является основной причиной странного поведения Леша. Оставалось только выяснить, рад он появлению Щукиной или, наоборот, его тошнит только от одной мысли, что эта женщина снова где-то рядом. Упорная Таня добилась встречи со Щукиной и, представившись стажером Шубина (они встретились в летнем кафе на набережной), объяснила ей причину своего интереса к бывшей секретарше Крымова и искренне попросила у нее помощи. «Нам нужен Леша Чайкин, но только такой,

каким он был до того, пока не приехали вы...» Это были люди одной породы, а потому быстро поняли друг друга.

– Все очень просто, Таня, – сказала Надя, поправляя на носу черные очки, скрывающие за стеклами половину лица. – Леше просто необходимо отдохнуть. Если ваше агентство оплатит нам отдых где-нибудь в Эмиратах, Турции или в Египте, я согласна взять его на поруки. Но и это еще не все. После нашего возвращения Игорь должен будет взять меня снова на работу в качестве секретаря. Это неперемное условие.

– А как же Женя?

– Крымов? Тебя интересует Женя Крымов? – Она усмехнулась, как если бы приняла Таню за очередную поклонницу известного на весь город ловеласа. – Это правда?

– Да нет, что вы, я про Женю Жукову, жену Игоря...

– А... Так ей уже давно пора в декретный отпуск. Вот так и передай своему шефу. И еще... – Она вздохнула и почему-то перекрестилась. – Неизвестно, как он сам повел бы себя, этот святой Шубин, окажись у него в руках такие драгоценности... Уж слишком велико было искушение, поверь мне... На всю жизнь хватило бы... Вот так. Что касается моего условия, то я лучше всех знаю работу секретаря, у меня везде все схвачено... Подумайте все друженько над моим предложением и не торопитесь отказывать.

– Пусть так, но если вы с Чайкиным уедете отдыхать, то кто же будет помогать нам в морге? Через Корнилова мы бу-

дем получать результаты вскрытий с опозданием в полгода.

– Я знаю человека, который заменит Лешу на эти две недели. Его зовут Лева, фамилия Закутский. Если Шубин согласится на мои условия, Закутского я беру на себя.

Таня в тот же день передала этот разговор Шубину, и тот как-то очень легко согласился.

– Знаешь, она права, все мы люди, причем со слабостями... Вот она не устояла, а я устоял... Конечно, она подставила нас всех с этими драгоценностями, но когда-то мы были друзьями, вместе начинали работать, столько пережили... К тому же Женьке действительно не мешало бы перед родами побыть дома. Я же вижу, она постоянно хочет спать. Ест и спит, бедолага. Скоро так растолстеет, что не сможет пролезть в дверь агентства.

Он, конечно, шутил, потому что Женя почти не изменилась, разве что припухлым казалось лицо, особенно нос и губы, а еще замедленными и очень осторожными стали движения. У нее был на редкость маленький живот.

– Она тетка еще та, – покачала головой Таня, понимая, что это ей в первую очередь придется уживаться с непростой и нечистой на руку Надей, и неизвестно, как сложатся их отношения. – Но, думаю, мы с ней поладим. А с Лешей она классно придумала – позагорать в Турции за счет агентства, прикрываясь благотворительностью по отношению к несчастному Чайкину.

– Да пусть их... Это небольшие деньги. У меня знакомая

есть в турбюро, она сделает скидки, и мы отправим их по горячей путевке. Вот только какими ослами мы с тобой будем выглядеть, если Леше Щукина до лампочки и никуда он с ней не поедет?

Но они поехали. Точнее, улетели. В Египет по горячей путевке на две недели. Женю Жукову неожиданно положили на сохранение в больницу, и в агентстве остались двое – Таня и Шубин. Работы не было, а потому к ним время от времени заглядывал Крымов. С выпивкой, закуской. И о чем бы ни шла речь, он так или иначе возвращался к своей излюбленной теме – побегу жены. Обзывал Патрика белобрысой сволочью, а по Юле Земцовой откровенно скучал, постоянно звонил ей по мобильному и просил вернуться. И никто, даже Шубин, не посмел задать ему главный вопрос, который просто не мог не возникнуть в стенах агентства – бывшего детища Крымова: почему Женька здесь, в Саратове, да к тому же еще раскис, разленился и превратился в самого настоящего бездельника? Возможно, он влип в криминальную историю и теперь прячется... Но разве так нормальные люди прячутся? Он открыто ходит по улицам, навещает старых друзей и подружек, подчас устраивает оргии в своей городской квартире, другими словами, ведет себя так, словно ему ничто не грозит и он никого не опасается. Так неужели дело только в Земцовой?

...На улице в тени было двадцать пять, в приемной работал кондиционер. Таня пила ледяной лимонад, которым был

забит холодильник, Шубин играл на компьютере. Было тихо и невыносимо скучно. И вдруг – телефонный звонок. Они вздрогнули.

– Опять твой Крымов, – сказала Таня, нехотя направляясь к столу, на котором трезвонил телефон. – Детективное агентство, Бескровная слушает.

– Мне нужен Шубин, Игорь Шубин, – услышала она низкий мужской голос и взглядом позвала Игоря.

– Слушаю, – трубку взял Шубин. – Да, это я.

– У меня к вам дело.

– Подъезжайте.

– Я буду через десять минут. Я тут рядом...

Примерно через четверть часа в агентстве появился невысокий смуглый черноволосый человек с серьезным лицом, во всем белом.

– Я – посредник, меня послали к вам с поручением. Убита молодая девушка. Вам хорошо заплатят, если вы найдете убийцу. Только предупреждаю сразу – я в этом городе живу давно, меня многие знают. Не пытайтесь связать мою личность с тем человеком, который поручил мне прийти к вам. И постарайтесь обойтись без милиции и прокуратуры. Нам известны ваши методы. Но главное для заказчика – результат.

– Он знаком с этой девушкой?

– Я не могу ответить вам на этот вопрос. Но, как вы понимаете, он не имеет отношения к убийству, это уж точно, ина-

че не стал бы обращаться к вам. – С этими словами незнакомец достал из кармана белоснежных брюк белый конверт со стодолларовыми купюрами, театральным жестом рассыпал их по столу. – Резонно?

– Всякое бывает... – не удержалась Таня.

– Вы беретесь?

– Кого убили и когда произошло убийство?

– Девятого... Да об этом уже весь город знает, по телевизору говорили... Вы что, газет не читаете? Уверен, в сегодняшних местных газетах вы найдете это сообщение...

– Вообще-то мы ищем работу не по газетам... Люди к нам сами приходят, – сухо ответил ему Шубин. – Так что там случилось?

– Убита молодая женщина... Лариса Иванова. Она жила на улице Горького, напротив магазина «Природа»...

– Вы знали ее?

– Говорю же, я – посредник. Я ее не знал и не видел. Мне заплатили, чтобы я пришел к вам и нанял вас для расследования убийства.

– А почему же вы так волнуетесь? – спросила Таня, внимательно рассматривая посетителя и стараясь запомнить его до мельчайших подробностей. «Ассириец, – пронеслось у нее в голове. – Ассирийцы в нашем городе занимаются стоматологией». И вслух добавила: – Вы должны были быть готовы к подобным вопросам. Ведь тот, кто попросил вас прийти сюда, – заинтересованное лицо. Вот почему мы бы хотели по-

лучить максимум информации о заказчике.

– Я не могу ничего сказать.

– Заказчик – ваш хозяин? – спросил Шубин. – Вы же понимаете, что если мы возьмемся за это дело, то непременно выясним и вашу личность.

– Нет, он мой хороший друг. У него свой бизнес, у меня – свой.

– Стоматология? – спросила Таня.

Щеки ассирийца порозовели.

– Вы беретесь за это дело? Нам вас рекомендовали как порядочных людей, но мне бы хотелось оформить необходимые документы, ведь я принес вам пять тысяч долларов. Это только аванс.

– Хорошо, мы беремся, – внезапно оживился Шубин, открыл ящик стола, смахнул туда деньги вместе с конвертом и запер его на ключ. – Сейчас мы все оформим. Фамилию, значит, свою вы называть не будете?

– Нет, не буду. Но, если уж вам действительно понадобится моя фамилия, вы меня вычислите, не так ли? Но, повторяю, это будет пустая трата времени.

– Значит, Лариса Иванова?

– Да... – чуть дрогнувшим голосом произнес смуглый человек и принялся нервно вертеть золотой перстень на безымянном пальце правой руки.

Глава 3

Шубин сидел в кабинете Корнилова и рассматривал фотографии с места преступления. Судя по всему, Ларису Иванову убили выстрелом в упор после того, как она открыла убийце дверь в квартиру. Ее труп нашли прямо на пороге. Пуля девятимиллиметрового калибра пробилась в голову. В квартире не обнаружено следов борьбы, на теле – ни единой царапины.

– Ей позвонили, она открыла дверь, убийца выстрелил ей в лоб и ушел. Выстрел слышала соседка, она-то и сообщила в милицию. Но только после того, как обзвонила остальных двух соседок, которые почти одновременно в целях предосторожности вышли из своих квартир и подошли к приоткрытой двери квартиры, принадлежащей гражданке Ивановой, – говорил Корнилов, уткнувшись в одну из фотографий. – Ты вот это видел?

– Что? – Шубин взял фотографию и очень удивился, увидев на снимке миниатюрный гроб, стоящий на кухонном столе, размером с книгу. – Не понял... Какой-то гроб.

– Это торт. В раковине посуда вся в тесте, какие-то миски с цветным кремом, вафлями, орехами, да и вообще вся квартира пропитана запахом выпечки. Она кому-то торт решила испечь в форме гроба, а потом к ней позвонили, она открыла дверь, и, как я уже сказал, ее убили на месте. Вот такая картина вырисовывается.

– Ее опознали?

– Да, три соседки. Лицо, правда, было залито кровью, женщины накачались корвалолом и все одна за другой опознали свою соседку.

– Что говорили о ней?

– Девушка скромная, работающая, психолог. У нее много книг по психологии. А психологи, они, знаешь, умеют подойти к человеку, нажать на больные места, торт испечь... Разве это не давит на психику? Мы нашли ее старую записную книжку, позвонили по нескольким телефонам – узнали, что она работала психологом в интернате, затем в каком-то кризисном центре, подрабатывала на телефоне доверия. Где она работала в последнее время, пока сказать не могу. Но все равно, как видишь, основную работу я за тебя сделал. – Корнилов похлопал Шубина по плечу. – Думаю, тот, кому она пекла торт, ее и убил. Вот только не пойму никак, почему заказчик прячется. Посылает к тебе своего представителя. Странно это, не находишь?

– Нахожу, но ничего поделать не могу. Посудите сами, Виктор Львович, мне заплатили деньги, стало быть, я должен сделать свою работу. Вы поможете мне?

– Разумеется. – Корнилов, не отрывая взгляда от руки Шубина, достающего из кармана и протягивающего ему пятьсот долларов, плеснул себе холодного пива. – Вот и отлично. Хочешь пивка?

– Мне бы ключи от квартиры Ивановой.

– Не вопрос.

Шубин вышел из прокуратуры. Таня ждала его на скамейке и ела мороженое.

– Ну как, раскрутил?

– Раскрутил. А ты позвонила Закутскому?

– Да, Лева ждет нас. Щукина, как и обещала, перед отъездом встретила с ним и переговорила относительно того, чтобы он заменил на две недели Чайкина. Кто знает, может, он заменит его и на больший срок...

– В смысле?

– Да это я так... разные мысли в голову лезут. Но Закутский – не менее опытный судмедэксперт, к тому же не пьет.

– Это ты от своей тетки узнала?

– От кого же еще. Так куда мы сначала поедem: в морг или...

– Да, ты, пожалуй, права, сначала в морг, хотя бы посмотрим на нее, зададим самые простые вопросы, а уж потом, – он достал ключи и позвенел ими в воздухе, – заглянем к ней в квартиру. Интересно, там остался этот жуткий торт или нет?

Лев Закутский оказался внешне полной противоположностью бледному и изможденному Леше Чайкину. Это был невысокий плотненький мужчина лет сорока, румяный, улыбчивый.

– Здравствуй, Лева. – Она решила сразу перейти с ним на «ты». – У тебя такой румянец, что только позавидуешь.

– Это от природы, – улыбнулся он, и на полненьких щеках

его образовались милые ямочки. Он показался Тане очень симпатичным. *Сработаемся.*

– Мы пришли взглянуть на труп Ларисы Ивановой, – сказал Шубин.

– Я так и понял. Но предупреждаю сразу, особенно эту маленькую леди, – зрелище не из приятных: лицо разнесло и полголовы. Вы готовы?

Он подвел их к столу, на котором лежало прикрытое клеенкой тело. Быстро открыл его и так же быстро закрыл.

– Дело в том, что мне пришлось извлечь пулю... Видели, какие жуткие кровоизлияния... Лица почти не видать. Но девушка молодая, красивая, ей бы жить да жить. Ее не насиловали, не пытали, не били, ничего такого... Я не следователь, хотя жутко любопытен и всегда выстраиваю свои версии... в уме, конечно... Вам нет, разумеется, никакого дела до моего мнения, но, на мой взгляд, кому-то ее нужно было убрать. Это не маньяк, просто она, видно, сильно мешала. Все, замолкаю... Понимаете, я редко встречаю трупы молодых и красивых девушек, которые перед смертью не подвергались насилию. Убийца – прежде всего зверь, который не упустит своего...

– Может, вам перейти на полставки к нам? – зажимая пальцами нос, прогнусавила Таня, пятясь к двери. – Лично я придерживаюсь такого же мнения.

Шубин тоже как-то быстро ретировался в коридор, а оттуда – на улицу. Следом вышел Лева с пакетом.

– Вот, Корнилов просил вам передать, но вы мне потом верните, лучше всего завтра утром...

– Что это?

– Синяя юбка и белая блузка. Если бы я не знал, что эта девушка – психолог, то подумал бы, что это форменная одежда официантки, к примеру. Так сейчас не одеваются. Разве что где-нибудь в ресторане или офисе, в зависимости от вкуса работодателя. Одежда испачкана, ее непременно надо будет передать на экспертизу на предмет исследования пятен... Думаю, это трава, земля, песок... Хотя в волосах песка не было...

– Спасибо за пакет, завтра мы тебе его непременно вернем. Что-нибудь еще сказать можешь: что ела-пила, какой образ жизни вела?

– Яблоки ела, зеленые, незрелые, шоколад... Спиртного – ни капли. Под ногтями – нечто, напоминающее шоколадный крем, и пахнет ванилью. Но это вопросы к экспертам...

– Она делала торт, когда к ней пришли... – проговорил Шубин приглушенным голосом.

Затем, словно вспомнив, что рядом стоит Закутский и курит, Шубин сунул ему в руку стодолларовую купюру.

– Надеюсь, что в скором времени у тебя появятся еще какие-нибудь интересные новости... Мы не поговорили об образе жизни...

– Да я и сейчас могу сказать – с мужчиной она в тот день не была. Пусть Нора исследует ее бельишко...

Все-то он знает, и про Нору... Шубин попрощался с Закутским, они сели с Таней в машину и поехали на улицу Горького.

Квартира, понятное дело, была опечатана. Шубин осторожно отклеил листок с печатью и достал ключи. Квартира открылась легко, замок был заперт на один оборот.

Маленькая чистенькая квартирка. Если не считать большого пятна крови прямо в передней, на полу. Таня занялась осмотром вещей, постели, Шубин – книгами, письменным столом, компьютером.

– Она жила без мужчины. Квартира вроде бы чистая, но на мебели много пыли, словно она здесь давно не была. Может, приехала откуда и решила испечь этот дурацкий торт... Кстати, где он? На экспертизе?

Торт оказался в холодильнике и представлял собой жуткое зрелище.

– Может, его тоже отдать на экспертизу, а вдруг он отравлен? Взять соскобы со всех этих грязных мисок, миксера?

– Да все уже сделали. Подождем результата... Но я не верю в то, что торт мог быть отравлен. Все это полная ерунда. Другое дело – надо подстраховаться.

Снова вернулись в комнату и принялись все тщательно исследовать.

В ванной комнате, в корзине для грязного белья, Таня нашла пакет, а в нем – мокрый купальник.

– Как же это эксперты могли оставить его здесь?

– Мокрый? – Шубин тоже заглянул в ванную комнату.

– Ну да, вот, смотри, зеленые пятна, это водоросли, песок... Она купалась вчера или позавчера в каком-то водоеме...

– Подожди, я позвоню Норе.

Шубин позвонил в лабораторию и выяснил, что с купальника Ивановой взяли пробы водорослей, песка, земли и даже воды.

– Почему она не прополоскала купальник, не вывесила сушиться, а сунула мокрый в корзину? – недоумевала Таня. – Комната рассказала мне о хозяйке довольно много и прежде всего то, что она была девушкой аккуратной. А тут, гляди, и книга в ванной комнате валяется прямо на полу, должно быть, ее уронили эксперты, когда рылись в корзине для грязного белья... Себастьян Жапризо. Детектив. Она была на пляже, больше чем уверена. Жара-то какая!

На кухне среди грязной посуды нашлись и яблоки, о которых, по-видимому, говорил Лева Закутский, и пять плиток горького темного шоколада.

– Она использовала шоколад для крема, потому так много... А яблоки сама ела. Но смотри, – она снова открыла холодильник, – он почти пуст. В морозилке замороженные болгарские перцы, оставшиеся, скорее всего, еще с прошлого года, да пакет цветной капусты. Негусто. Ну какой же ужасный, страшный торт!..

Пролистывая документы, хранящиеся в круглой шляпной

коробке в шкафу, Шубин наткнулся на записку: «„Сосновый бор“, пансионат» и два номера телефона.

– Может, она собиралась там отдохнуть? Наверно, стоит позвонить?

– Говори номер... – Таня уже устроила на коленях телефон, – ...двадцать пять... Алло! Добрый день, девушка. Это пансионат «Сосновый бор»? Могу я поговорить с директором пансионата? Из прокуратуры... Нет-нет, ничего страшного, просто мне хотелось бы узнать, не отдыхала ли у вас женщина по фамилии Иванова. Лариса Иванова... Что? А... Вот теперь все понятно... Как зовут вашего директора? Алиса Борисовна? Передайте ей, что мы сегодня же вечером приедем. Дело очень срочное... Это не телефонный разговор.

Таня опустила трубку.

– Слушай, она там работает. Не «работала», а работает, понимаешь, в настоящее время. Психологом. И уже давно. Вот почему вокруг так много пыли. Она живет там, в этом пансионате, а дома появляется редко. Приехала вот, решила испечь страшный торт, а ее убили. Ничего себе отдохнула...

Глава 4

Сначала он не поверил своим глазам, когда увидел среди ив стройную фигурку девушки. Это была она, та самая девушка, с которой он провел здесь же, в этой тихой заводи, среди ив, несколько восхитительных часов, полных благодати, ровно два года тому назад. Тогда все произошло настолько неожиданно, что они даже не успели познакомиться. Они не знали имен друг друга даже после того, как он отвез ее в лагерь. Она молчала, вжавшись в сиденье машины и стараясь не смотреть в его сторону, как если бы сгорала от стыда за то, что так легко отдалась первому встречному...

Страсть, как ему казалось, охватила их после того, как они почувствовали полное единение с природой. Он понял это еще в воде, когда они плавали, рассматривая друг друга так, как если бы им сказали, что они предназначены друг для друга, но встретились только что... Над ними светило солнце, сжигая все условности, запреты, выдуманные человечеством принципы морали. Хотелось счастья безоглядного, сиюминутного, но не основанного лишь на физической близости, которую он мог купить, а наполненного чем-то более теплым и родным, чего никогда не было в его жизни. Он и сам не мог тогда объяснить, что же такого было в этой женщине, отчего его так тянуло к ней. Больше того, в нем поселился страх потери. Он почувствовал его еще там, под ивами, когда це-

ловал ее, и он усиливался по мере приближения к лагерю. Она не спрашивала его имени и отказывалась назвать свое. Поэтому на следующий день он искал эту девушку в лагере, описав ее внешность. Лариса Иванова. «Она собрала вещи и уехала». Это все, что он узнал у одной из воспитательниц, и лишь позже ему удалось узнать ее адрес...

Он вспоминал каждую минуту, проведенную с ней, и удивлялся себе: почему он отпустил ее тогда, а не увез с собой? Может, он потерял два года счастья? Лариса... Она говорила что-то о том, что ей все равно, что он о ней подумает, потому что они никогда больше не встретятся, но она не жалеет о том, что здесь произошло. Он спросил, часто ли она купается в этой заводи, в этом крохотном заливе, но она не ответила и на этот простой вопрос. Неискушенная в любви, она наслаждалась, как ему показалось, одними лишь его невинными прикосновениями и была счастлива. От нее пахло водой, ивами, песком, водорослями, и он назвал ее про себя русалкой. Она так сильно отличалась от всех тех женщин, которых он знал до нее, что им овладела страсть прежде, чем он осознал это, он совершенно потерял голову. Спасаясь от жары и от своих проблем, он заехал в это тихое и зеленое место с единственной целью – побыть в тишине, искупаться и отдохнуть. И вдруг такая неожиданная встреча. Не было пошловатых разговоров об Адаме и Еве. Не было и змия-искусителя. Была женщина, которую он не хотел бы выпускать из своих рук. Но он выпустил ее. Как птицу

или рыбу... Кто бы мог подумать, что на следующий день ее в лагере уже не будет. Раздобыв ее адрес, он помчался в город, но не застал ее и там. Он поручил своим людям проследить за квартирой, но в ней за целый месяц так никто и не появился. А потом он, Михаил Горный, крупный бизнесмен, решил кардинально изменить свою жизнь: развелся наконец с женой, с которой никогда не был счастлив и которая не хотела рожать ему детей, и, поручив своему заместителю вести дела в фирме, отправился путешествовать. Он был в Англии, пожил там два месяца у друга, затем переехал в Германию, где тоже останавливался у друзей. Потом был Израиль, Испания, Венеция... Через год он вернулся домой и с изумлением узнал, что его жена вот уже несколько месяцев живет в Петербурге со своим новым мужем и ждет от него ребенка. Затем последовала черная полоса – болезни. Одна за другой. И только бизнес, к счастью, процветал – его строительная фирма заключила еще несколько крупных контрактов, которые обещали принести хорошую прибыль, – строительство элитных домов под ключ.

И вот снова июль, и такая же невыносимая жара, как и два года тому назад. Он не очень хорошо себя чувствовал, но все же свернул с трассы и покатил по лесной тропе к тому самому ивняку... Оставив машину на том же самом пригорке, он по знакомой уже тропе начал спускаться вниз, к берегу. И решил, что видит перед собой призрак. Она стояла спиной к нему, но он почему-то чувствовал, что она знает о его при-

сутствии хотя бы потому, что его машина подъехала не беззвучно, что она слышала рокот мотора и двойной, несколько легкомысленный свисток сигнализации. И шорох травы под ногами, а его дыхание?..

– Лариса?

Она быстро обернулась и, увидев его, некоторое время просто молча смотрела на него, видимо, не веря своим глазам.

– Как видите, я узнал ваше имя... Вы тогда исчезли, вас не было даже дома, в городе... Почему? Надеюсь, не из-за меня? Видимо, какие-то другие обстоятельства заставили вас так скоро покинуть лагерь?..

– Как вы узнали, что я здесь? Я шла лесом, рядом пансионат, вы не могли меня видеть, меня никто не видел... – Она, вдруг вспомнив, что стоит перед ним в купальнике, быстро подняла с травы одежду, сине-белый мягкий ком, и как-то смешно прикрыла им живот.

– Я и не знал... Просто заехал сюда искупаться.

– Хорошо, я не буду вам мешать.

И тут он заметил в кустах большую пляжную сумку и цветной туго набитый чем-то рюкзак.

– Вы собрались здесь заночевать, а это – палатка?

Но она, словно не слыша его, уже быстро одевалась, прыгая на одной ноге, чтобы другой попасть в синюю юбку, дрожащими руками застегивала «молнию». Затем надела белую блузку.

– Вы снова собираетесь от меня сбежать?

– Я действительно очень спешу. Мне надо в город.

– Так я вас отвезу.

Она замерла.

– Кто вы, и почему мы встречаемся здесь уже второй раз?

Это место практически никто не знает...

– Меня зовут Михаил.

Он пытался придумать предлог, чтобы она села в его машину со своими рюкзаками и сумками.

– Вы откуда-то едете? Вернее, идете? Из пансионата? Из «Соснового бора»? Вы отдыхали там? – Вопросы из него так и сыпались. А мысли были об одном: не упустить на этот раз.

– Нет, я не могла бы себе позволить отдыхать в таком дорогом пансионате. Я работаю там, вернее, работала...

– Неужели уволились?

Он с трудом скрывал свое волнение и радость, предчувствуя, что с пансионатом у нее все закончилось. Причем совсем недавно, пару часов назад. Он даже как будто знал, по какой причине. Пансионат «Сосновый бор» считался излюбленным местом отдыха многих его знакомых, он даже знал, что хозяйку зовут Алиса. У этой женщины влиятельные покровители, большие связи и мощная деловая хватка. В пансионате можно было хорошо отдохнуть и от работы, и от семьи. К услугам отдыхающих было все, вплоть до проституток, которых Алиса, зная вкусы своих постоянных клиентов, отбирала сама, – их привозили из города в любое время дня

и ночи.

– К вам приставали отдыхающие? Я угадал?

– Можно сказать и так, – ответила она уклончиво. – Но мне бы не хотелось это обсуждать.

– Вы остались без работы?

– Ну... в общем-то, да... А что, вы собираетесь нанять меня на работу?

– А почему бы и нет?

– И вы думаете, что я соглашусь?

– Не знаю... Вы слишком непредсказуемая.

– И это предлагаете мне вы? Как вас зовут? Михаил? Послушайте, Михаил, я буду очень вам благодарна, если вы прямо сейчас отвезете меня домой. Думаю, что не сильно обременю вас своей просьбой, но только при условии, что вы забудете меня сразу же, как только я выйду из вашей машины. Пожалуйста, прошу вас.

– Вы замужем? Бойтесь мужа?

– У вас своя жизнь, я уже говорила вам... тогда, а у меня – своя. У нас – разные представления о жизни. Поверьте мне, я знаю людей... То, что произошло между нами тогда, было порывом, прекрасным порывом. – Она неожиданно для него подошла к нему совсем близко и даже прикоснулась ладонью к его плечу, словно проверяя, реален ли он, не снится ли он ей. – Но сегодня все по-другому, сегодня другие обстоятельства столкнули нас с вами здесь, на берегу...

– Вы нервничаете, это заметно, у вас руки дрожат. Что с

вами случилось? Может, я мог бы помочь вам?

– Возможно, но сейчас мне надо домой...

– У вас неприятности?

– Я еще ничего не знаю. Просто беспокойно на душе.

– Вы поссорились с Алисой?

Глаза ее расширились.

– Алиса? Вы знакомы с ней?

– Нет, но мне друзья рассказывали об этом пансионате.

Кстати, очень рекомендовали, говорили, что это приличное место... Вот только ума не приложу, кем вы там работали?

Бухгалтером? Может, вы врач?

– Психолог.

Михаил присвистнул. Психолог срывается с места, увольняется... С чего бы это? Явно не поладила с Алисой. Не согласилась переспать с кем-нибудь из клиентов.

– И давно вы там работаете?

– Давно.

– И до сегодняшнего дня было все нормально?

– Да... – Она отвернулась от него.

– Все-таки кто-то приставал?

– Давайте оставим этот разговор, пожалуйста... – В глазах ее уже стояли слезы.

– Хорошо. Я вот только искупаюсь, и мы поедем. Устраивает?

– Да, конечно. Я подожду вас... Хотя... Ладно, давайте вместе искупаемся... Может, это хотя бы немного успокоит

меня...

Дно было скользким, илистым, Михаил помог ей спуститься в воду, и они поплыли.

– Кто он?

– Я же просила...

– Вы замужем?

– Нет. Но была. Давно.

– Вы мне очень понравились, Лариса, еще тогда... Я искал вас...

– Забудем, а? – Она перевернулась на спину и, раскинув руки и ноги, опустила голову в воду, лишь лицо осталось на поверхности. – Мне нравится так лежать, я так отдыхаю и отдаю всю усталость и напряжение воде. А вы как расслабляетесь? Водку пьете?

– Иногда, как все. Так вы уволились?

– Да какая разница? Все равно я не пойду к вам ни секретаршей, никем... Собственно, я ничего не умею, так-то вот. А чем вы занимаетесь?

– Дома строю...

И лишь в машине, когда они, уже одетые, сели и приготовились к долгой дороге, он решился на немислимое. Говорил, как во сне.

– Послушайте, Лариса. Только обещайте, что не выйдете из машины и не исчезнете, как в прошлый раз.

– Если будете приставать, прямо сейчас выйду и побегу на трассу ловить попутку... Ладно, шучу. Говорите. У меня,

если честно, нет сил...

– Я хочу сделать вам предложение.

– Да? Интересно. Руки и сердца?

– Я бы с радостью, но мы же взрослые люди. Мы почти не знаем друг друга.

– Вы не женаты?

– Нет, я разведен.

– Ну и какое же предложение? Быть вашей любовницей?

– Нет. Я предлагаю вам заработать приличные деньги. Десять тысяч долларов в месяц.

Она медленно повернула к нему лицо. Они еще не отъехали. Машина стояла на пригорке. Работал кондиционер, а потому в машине было прохладно.

– Вот интересно, за что же нынче платят такие сумасшедшие деньги? Тем более что вы знаете, что я ничего не умею... – Она вдруг стала серьезной и даже испуганной. – Ну же, говорите!

– Я предлагаю вам пожить со мной месяц. Вместе. Как муж и жена. Интимные отношения будут зависеть только от вас...

– Как это?

– Захотите, они будут, не захотите – их не будет...

– Но вам-то какой смысл жить со мной, если я откажусь с вами спать?

– Вы будете жить в моем доме...

– Вам нужна домработница?

– Нет, вы не так поняли. Я могу нанять вам домработницу, и тогда вам не придется ничего делать, просто ждать меня, играть роль жены.

– Но зачем вам это?

– Мне доставляет наслаждение видеть вас рядом, неужели так трудно понять?

– Но тогда зачем же предлагать деньги?

– Чтобы вы не сбежали от меня в первый же день. Понимаете, я утром ухожу на работу, а вечером возвращаюсь. Я очень хотел бы, чтобы вы открывали мне дверь, чтобы наливали мне суп в тарелку, чтобы были рядом, чтобы говорили со мной...

– Вы думаете, что деньги могут все?

– Думаю, да. Пять тысяч прямо сейчас, мне их надо только взять дома, а остальные пять – через месяц. Если вам не понравится у меня и вы решите уйти, то вы должны будете вернуть мне эти пять тысяч.

– Вы шутите? Это же настоящий кабальный договор.

– Но как еще я могу заполучить вас хотя бы на месяц?

Придумайте тогда сами...

– Я вам нужна в качестве компаньонки?

– Степень близости решится со временем... Но мы ведь уже были близки... Нам будет проще...

– Но деньги... Это же цинично, пошло... Вы считаете, что быть женой – работа?

– Я придумал все это только что, когда плавал с вами и

думал о вас, когда мечтал о вас... Я не хочу вас потерять, но не уверен, что вы захотите жить со мной. Мы же едва знакомы. Ведь если бы я сделал вам сейчас предложение руки и сердца, вот тогда бы вы точно выпрыгнули из машины, посчитав меня сумасшедшим или просто обманщиком.

– Любовь с первого взгляда? Вы такой сентиментальный?

В голосе ее зазвучала ирония. Но как же она была хороша в эту минуту. Растрепанные влажные от воды светлые кудри, порозовевшее от солнца или от разговора лицо, серые, похожие на серебристых рыбок, глаза.

– Не знаю, может, и сентиментальный. Никогда не задумывался над этим. А как бы вы поступили на моем месте?

– Не знаю, может, так же... Знаете, вы тоже мне нравитесь. И я часто вспоминала вас. Раз уж пошел такой разговор, надо быть откровенной до конца. Но ведь я о вас ничего не знаю... Вы бы рассказали мне о себе... Кто вы?

– Тогда слушайте...

Глава 5

Их не сразу впустили на территорию пансионата. Высокий бетонный забор, выкрашенный в зеленый цвет, массивные металлические раздвижные ворота и охранники делали пансионат (выстроенное буквой П трехэтажное строение из красного кирпича) недосягаемым для посторонних. Но эта бетонная стена с воротами вечером практически сливалась с густым сосновым бором, а потому совершенно не выделялась и не портила лесной пейзаж.

Просмотрев фальшивые удостоверения, охранники (два молодых парня в камуфляжной форме) пропустили Шубина с Таней в сторожевую будку, один из них вызвался даже проводить их прямо к Алисе Борисовне.

- Она ждет вас, нас предупреджали о вашем приезде.
- Тебя как зовут? – спросил Шубин парня.
- Александр.

Они шли длинной аллеей, вдоль которой были высажены ряды душистого табака.

– Красота тут у вас... Слушай, Александр, ты когда в последний раз видел Ларису Иванову?

– Ларису... – Он вздохнул. – Я все знаю. Убили ее. Мы хоть и в лесу живем, но телевизор имеется в сторожке. Во вторник, я видел, они вместе с Катей отправились в лес собирать землянику. Я сам лично пропускал их через вертушку.

– Как она была одета?

– Кто, Лариса?

– Лариса, кто же еще, – хмыкнула нетерпеливая Таня. – Про Катю отдельный разговор будет.

– Алиса Борисовна строго следит за всеми работающими здесь женщинами и даже в самую жару заставляет их ходить в деловой одежде... Ну не совсем, конечно, но чтобы никаких открытых платьев, оголенных тел, чтобы не соблазняли отдыхающих.

– Так что на ней было?

– Синяя юбка, такая... в складку, что ли, и белая блузка.

– А Катя в чем была?

– У нее джинсовая юбка и красная майка.

– А где сейчас Катя?

– Здесь, где же еще ей быть?

– А кем она тут работает?

– Косметолог. Еще маникюр делает.

– Я слышала, – сказала Таня, – в пансионате отдыхают в основном мужчины, это правда?

– Мужчин больше, это да. Так она и им маникюр делает.

И маски на лицо разные, с кремом... Мне тоже однажды делала, приятно – жуть как.

Тут, вспомнив, видимо, по какому поводу приехали поздние гости, он сразу смолк. Вспомнил, что убита Лариса.

– Ее что, правда убили?

– Правда. Значит, ты видел ее последний раз, когда она

пошла за земляникой, и все...

– Это я так сказал? Да нет! Они же потом вернулись из леса. Я видел, как они пошли в кухню обедать. К тому времени в пансионат понаехало полно людей, их начали устраивать по комнатам, а потом все собрались обедать в банкетном зале.

– Больше ты Ларису не видел?

– Да она весь тот день была здесь. Говорю же, пообедала, а потом отправилась к себе в комнату, а Катька – к себе. Думаю, они спать пошли. В тот день у них работы никакой не было. Еще вечером видел, опять же, они на кухню шли ужинать. И тоже с Катькой. Все как обычно. А вот, значит, на следующий день утром, я, правда, на часы не посмотрел, она ушла.

– Ушла или уехала? Может, за ней кто приехал?

– Нет. Она сказала, что ей надо срочно в город... И вещи у нее при себе были.

– Может, у нее какой конфликт с Алисой Борисовной случился, она ничего не сказала?

– Даже если бы и случился, она бы все равно не сказала. Она была девушкой серьезной, не болтливой, не то что Катька.

– Она не сказала, уволилась или просто на время едет в город?

– Нет, просто сказала, что ей надо в город. Думаю, она пошла на попутку. И хотя до трассы далеко, все равно, там и автобусы пригородные ходят... Я в том смысле, что не

опасно... А где ее нашли? В квартире?

Они уже подошли к корпусу и поднялись по мраморным ступеням на крыльцо.

– Как войдете, там будет дежурная, она проводит вас к Алисе.

Алиса Борисовна ждала их. В черном костюме, подтянутая, с аккуратной прической, она встретила их с трагическим выражением на лице. Ее огромные голубые глаза были полны слез. Таня почему-то с первых минут прониклась к этой женщине симпатией. Окинув взглядом просторный, заставленный роскошной мебелью кабинет, она даже попыталась представить себе, каких трудов и нервов стоило Алисе стать хозяйкой такого заведения, как пансионат «Сосновый бор». Скольких людей ей пришлось приручить и заставить поверить в себя, чтобы привести в порядок это место отдыха бывших партийных руководителей, сколько денег раздобыть разными путями, чтобы отремонтировать здание, обнести его надежной стеной, разбить небольшой парк, отделать внутренние помещения так, чтобы в конечном счете превратить убыточное хозяйство в прибыльное. Должно быть, она взяла себе в помощники преданных ей людей: толкового бухгалтера, хорошего повара, добросовестных горничных и еще целый штат работников, на которых можно положиться. Таня интуитивно считала, что смерть Ларисы Ивановой напрямую связана с пансионатом. И, скорее всего, с кем-то из отдыхающих. И этот отдыхающий наверняка знаком с «асси-

рийцем» (так она про себя называла человека, посредника, заплатившего им аванс в пять тысяч долларов, чтобы они с Шубиным нашли убийцу), довольно неуверенно чувствовавшим себя в этой дурацкой ситуации. Почему этот отдыхающий решил остаться в тени? Почему? Он местный или из высокопоставленных московских гостей?

Шубину Алиса Борисовна тоже понравилась. Это была внешне очень привлекательная женщина, которую жизнь заставила взвалить на свои плечи тяжелую ношу – пансионат. Нелегко управлять большим хозяйством и штатом сотрудников, но не менее сложно, вероятно, найти подход к VIP-персонам, привыкшим, чтобы их обслуживали по высшему разряду, и порой воспринимающим жизнь как источник наслаждения, за который приходится платить самую высокую цену: Шубин был уверен, что в пансионате «Сосновый бор» нередко собираются люди из криминального мира, тесно связанные с особами правительственного уровня и решающими здесь, в этом великолепном тихом месте, свои личные проблемы. Скорее всего, Алиса старается не вникать во все те процессы, которые происходят у нее перед носом, поскольку понимает, что это небезопасно. С другой стороны, именно эти люди, возможно, и помогают обеспечивать ей определенное спокойствие и чувствовать себя уверенно в этом бизнесе.

Это были первые впечатления и мысли, связанные с Алисой Борисовной.

– Меня зовут Игорь. И я не из прокуратуры. – Шубин сразу решил расставить все по своим местам, чтобы впоследствии не возникло никаких проблем, когда хозяйке пансионата придется отвечать работникам прокуратуры.

– Да я поняла, вы же Шубин, из «крымовского» агентства. Многие мои знакомые обращались к вам со своими проблемами. Мне одна приятельница показала вас как-то в городе. Вот, говорит, это Шубин, если что, обращайся к нему... насколько мне известно, Земцова сейчас живет за границей?

– А вы хорошо информированы...

– Работа такая. Я знакома с огромным количеством людей. Порой сама удивляюсь, как всех запоминаю. Что касается прокуратуры, то они ведь еще явятся ко мне, не так ли?

– Непременно. Но *мы* первыми узнали о том, что Лариса работала у вас. Чем она здесь занималась?

– Она психолог, консультировала наших отдыхающих. Понимаете, тут очень благоприятная обстановка, она располагает к тому, чтобы человек мог расслабиться, отдохнуть и постараться забыть все свои проблемы. Богатые тоже плачут, сами знаете... Многие приезжают сюда после сильнейших стрессов, после банкротства, к примеру, или развода, а то и потери близкого человека. Лариса была очень хорошим психологом, она умела вдохнуть в человека жизнь и заставить его по-другому взглянуть на некоторые вещи...

– Вы так говорите, словно сами...

– Конечно, я консультировалась у нее. Иначе она бы у ме-

ня и не работала. Сколько раз она вытаскивала меня лично, когда я была на грани нервного срыва... Все мы люди, нам порой хочется поплакаться в жилетку и спросить совета. И хотя она всегда говорила, что не имеет права давать советов, мои мысли после беседы с ней как-то ровненько выстраивались, приводились в порядок. Во всяком случае, я уже знала, как мне жить дальше и как относиться к той или иной проблеме, как ее решить, а это очень важно, не так ли? Что с ней случилось?

– Ее убили в собственной квартире...

– Игорь, кто-то же пришел к вам и обратился с просьбой найти убийцу. Если вы назовете мне этого человека, я смогу помочь вам выяснить об этом человеке все. Ведь ваши услуги стоят дорого, значит, заказчик, возможно, и мой клиент.

– Да, я и сам об этом подумал, но заказчик решил не называть своего имени и послал к нам человека постороннего, нейтрального, понимаете?

– Это вам только так кажется, что этот человек посторонний. Люди, обращающиеся в ваше агентство, не простые люди, следовательно, они не могут довериться абы кому, вы согласны? Тот человек, который приходил к вам, – его доверенное лицо, это факт, который не признать невозможно.

– Алиса Борисовна, когда вы последний раз видели Ларису?

– Восьмого числа, во вторник. У нас было много гостей. Все в основном остались. Многие сейчас в сауне, кто-то

спит, кто-то играет в бильярд, кто-то... сами понимаете...

– Она была целый день восьмого здесь?

– Практически да. Только днем они с Катей – это наш косметолог – отправились в лес, я их отпустила. Работы для них все равно никакой не предвиделось...

– А вот ваши отдыхающие... Они приехали целой группой?

– Вот именно восьмого числа – да. Хотя и до них проживало несколько человек, и сегодня еще подъехали, а двое уехали... У меня в Москве работает человек, он и посылает ко мне людей... Во вторник прибыло двенадцать мужчин, у них общий бизнес... Они провели какое-то совещание в Москве, а потом приехали сюда отдохнуть. Точнее, прилетели. Я посылала свой автобус, чтобы их встретили в аэропорту.

– Вы знаете этих людей? Они бывали здесь прежде?

– Да, конечно. Очень уважаемые люди. Они работают в одном банке и его филиалах. Генеральный не приехал, у него дела за границей. Но он здесь тоже бывает иногда, приезжает с женой или с дочерью. Обычно я селю его в отдельном коттедже, почти в лесу, домик даже не виден за соснами... Ему ни бильярд, ни девочки, ни сауна не нужны. Они отсыпаются тут, читают... А весной я оборудовала там кабинет и поставила компьютер, так он, когда приезжал сюда последний раз в мае, целыми днями играл в какую-то смешную игру с троллями и волшебниками...

Таня вдруг подумала, слушая Алису, что вряд ли такой се-

рзный человек стал бы рассказывать ей о своей компьютерной игре. Скорее всего, она видела этих троллей и волшебников на экране монитора в те минуты или часы, что проводила с ним. Подумав так, Таня решила, что ей просто мерещатся повсюду любовники и любовницы и что если так и дальше дело пойдет, то ей нечего будет делать в агентстве: не все же убийства и другие преступления происходят на любовной почве. Вот и сейчас она ехала сюда, в пансионат, в твердой уверенности, что Ларису Иванову убили именно из-за мужчины, с которым она отказалась переспать. Но зачем подходить к расследованию так однобоко? Ведь причина-то на самом деле может быть любая. Лариса могла выйти, к примеру, за пределы пансионата и случайно оказаться свидетелем преступления, да хотя бы в том же лесу...

– Итак, – донеслись до нее слова Шубина, – восьмого числа к вам приехало двенадцать отдыхающих, из Москвы. Хотя родом они из разных мест, так?

– Так, – кивнула Алиса. – Хотите кофе?

– Спасибо, не отказался бы. А ты, Таня?

Алиса позвонила и попросила приготовить кофе.

– Значит, восьмого числа Лариса, за исключением времени, которое она провела в лесу с Катей, была на виду. Ее видели все.

– Во всяком случае, это был совершенно обычный день. Они вернулись, пообедали, потом ужинали вечером...

– А что ваши отдыхающие?

– О, это был первый, так сказать, организационный день... никакого плана, никаких особых мероприятий. Каждый после обеда занимался тем, чем хотел. Но в основном все отсыпались в своих номерах.

– Вы приглашали к ним женщин?

– В тот день – нет.

– Может, вы заметили, что кто-то из гостей (новоприбывших или тех, кто уже жил здесь) оказывает внимание Ларисе? Возможно, она жаловалась, что к ней пристают?

– Лариса была не из тех девушек, с которыми можно вот так запросто... Вы понимаете меня, о чем я говорю. И никогда она ни на что такое не жаловалась.

– А Катя?

– Катя могла себе позволить, но это ее личное дело. Хотя вообще-то в пансионате не принято заводить интрижки со штатными сотрудниками. Но я признаюсь честно – Кате я делала поблажки. Ведь она непосредственно контактировала с мужчинами, она делала им маски, ухаживала за лицом, руками... Мужчины расслаблялись у нее в кабинете, и что происходило за закрытыми дверями, я не знаю. Но вполне допускаю, что там что-то такое и могло быть... С Ларисой же все по-другому. Она – психолог и по натуре более серьезная, принципиальная, что ли. Я никогда не видела, чтобы она с кем бы то ни было флиртовала. Да и ее, мне думается, многие из постоянных наших клиентов воспринимали исключительно как человека, на которого возложена серьезная мис-

сия...

– А ваши горничные?

– Во всяком случае, когда я беру девушку к себе на работу, я инструктирую ее, объясняю, как себя вести, и выдаю форму...

– Синюю юбку и белую блузку?

– Нет, с чего вы взяли? А, поняла... Это Лариса так одевалась. Форма у горничных совершенно другая, они ходят в брюках и блузках.

– Кто вам сказал, что Лариса ушла из пансионата? Она сама объяснила вам причину своего отъезда рано утром или же ушла, никому ничего не сказав?

– К сожалению, она не предупредила меня о своем уходе. И чем он вызван, я тоже не знаю. Возможно, ей кто-то позвонил, и она срочно уехала. Но прежде такого никогда не было. Мы все знали, что она живет одна, что дома ее никто не ждет, да и не видела я и не слышала, чтобы к ней сюда кто-то приезжал или звонил. Она практически жила здесь, у нас. И никакой личной жизни у нее не было.

Девушка принесла кофе. Шубин с Таней выпили по чашке.

– Непонятная история. Одинокая молодая женщина внезапно уезжает, никого не предупредив... Она не боялась, что потеряет работу?

– Нет, не думаю. Во-первых, если она ушла так рано и так неожиданно, значит, на то были серьезные причины, и, если

бы она мне объяснила их, пусть даже с опозданием и по телефону, я бы поняла ее и приняла обратно. Я же не знала, что больше никогда не увижу ее!

– Мы можем поговорить с Катей? Может, она что-то знает?

– Конечно. Думаю, она ждет вас, я звонила ей и предупредила о том, что вы приедете. Поймите, мы все очень любили Ларису и потрясены ее смертью... Как ее убили?

– Застрелили в упор. В собственной квартире. Да, кстати, вы никогда не говорили с ней о кулинарии?

– О чем? О кулинарии? Нет, знаете, такими уж закадычными подружками, чтобы говорить о пирожках или щах, мы не были. Признаюсь, я всегда держу с подчиненными дистанцию. Даже с Ларисой, которая знала обо мне буквально все... Вы только не подумайте, – она устало улыбнулась, – мне не за что было ее убивать... А то еще придет в голову... За мной ничего *такого* не водится, о чем я могла бы пожалеть, что сболтнула ей.

– Я просто хотел узнать, хорошо она готовит или нет...

– Точнее, умеет ли она печь торты, – поправила Игоря Таня. – Она почти закончила украшать торт на кухне, когда позвонили в дверь... Она открыла, и ее убили, выстрелом снесли полголовы... Поэтому мы и спрашиваем о кулинарии.

– Торт? Она сбежала с работы, чтобы срочно испечь кому-то торт? Невероятно!

– И торт непростой, – добавил Шубин.

– Что значит непростой?

– В форме гроба.

Алиса, видимо представив себе эту страшную картинку, даже присвистнула. Затем, опомнившись, взяла себя в руки.

– Вам действительно лучше поговорить с Катей. Пойдемте, я провожу вас к ней.

Глава 6

Он и сам понимал, что сморозил глупость, предложив ей пожить у него за деньги. Пошло и гадко. Но она, слава богу, не обиделась. И теперь он вез ее в город. Он знал, что не отпустит ее. Ни за что. В машине, несмотря на жару за окном, было прохладно от кондиционера. Он спросил, не холодно ли ей.

– Нет, мне так хорошо...

Он повернул голову и увидел, что она, откинувшись на спинку сиденья, почти дремлет.

– Но мы сейчас едем ко мне, мы же договорились?

– А как же вещи... На мне купальник мокрый. Да и сумки эти. Нет, мне обязательно надо заехать домой, хотя бы проведать, все ли там в порядке...

– А потом приметесь обзванивать всех своих подруг? Спрашивать совета, стоит ли вам переезжать в квартиру совершенно незнакомого мужчины? Лариса, пожалуйста... С сегодняшнего дня мы с вами начинаем новую жизнь. Вдвоем. Мы попробуем, и я уверен, что у нас все получится.

– А если бы у меня в этом городе жили родители? Как бы я объяснила им свое исчезновение, свой переезд? Я же нормальный человек.

– Но они не в этом городе, надо полагать?

– Мама живет в Омске, и мы с ней очень редко видимся.

У нее своя семья, дети, только не от моего отца. Есть еще тетка в деревне...

– Мы не будем заезжать к тебе домой. Купальник ты посушишь у меня на лоджии, она огромная, шестиметровая. Только извини, если много пыли. Женщина, которая помогает мне по хозяйству, уехала в отпуск.

– Ты держишь домработницу?

– Конечно. Я же говорил, что мы можем оставить ее.

– Нет, я бы не хотела в доме присутствия чужого человека.

– Значит, я уже не чужой, – обрадовался он, – а это дорогого стоит.

Он был опьянен этой встречей, и ему казалось, что и она испытывает то же самое.

– Вообще-то, я человек свободолюбивый, – вдруг услышал он. – Мне надо заехать домой и взять кое-что из вещей. Возражения не принимаются. Если ты не завезешь меня домой, я подумаю, что ты насильно везешь меня к себе...

– Нет, нет, ради бога, не думай так. Конечно, я отвезу тебя домой, и ты возьмешь там все необходимое. Посмотришь, не текут ли краны...

– Ты боишься, что я сбегу?

– Да.

– Ты должен верить мне, иначе у нас с тобой ничего не получится.

– Но как же...

– Очень просто. Ты оставишь меня на некоторое время и

поедешь по своим делам. Я приведу себя в порядок, соберусь и позвоню тебе на мобильный. Ты приедешь за мной. Все очень просто.

– Но я же могу подождать тебя в машине возле подъезда.

– Это ни к чему. Мне хочется побыть хотя бы немного одной, чтобы подумать. Все слишком быстро.

– Но таковы правила...

– Какие правила?

– Это я придумал эти правила. Я предложил тебе переехать ко мне. Без промедления. Решиться. Это будет похоже на то, как ты стремительно ныряешь в прохладную воду. Поверь, ты будешь очень счастлива. Ведь то, что мы встретились с тобой на берегу спустя ровно два года, – это знак судьбы!

– Разве недостаточно того, что я обещаю прямо сегодня переехать к тебе? Ведь это тоже своего рода безумство. Но мне хочется совершить это безумство. И я совершу его... – Она коснулась рукой его плеча. – Я немного посплю, хорошо? Мне пришлось сегодня рано встать.

– Ты мне так и не рассказала ничего...

– Нечего рассказывать. Я устала, вот и все. Кроме того, тебе не пришло в голову, что меня сама судьба разбудила и послала тебе навстречу? А? Ты же видишь, что я не могу тебе объяснить, почему уехала из пансионата.

– Ладно, потом все равно все расскажешь. Ты же будешь мне все рассказывать? Ты не замкнешься в своей скорлупе,

не оставишь меня одного?

Он говорил ей такие слова, какие не говорил еще никогда ни одной женщине. Это был крик души одинокого мужчины, по сути, брошенного и нелюбимого мужчины. И что будет с ним, если он, раскрыв ей сейчас душу, словно рану, вместо любви получит очередной удар в спину? Справится ли он с этим? Не сорвется ли? И что с ним вообще происходит? Кто эта женщина, и почему она так действует на него? Он пару часов тому назад предлагал ей за тысячи долларов поиграть с ним в мужа и жену. Да он спятил. Разве можно так обращаться с нормальными женщинами? Может, он испугал ее?

Все же он привез ее прямо к дому.

– Мне тебя подождать?

– Мы же договорились. У меня есть твоя визитка, у тебя – мой номер телефона и мой адрес. Если хочешь, жди, конечно, меня здесь, сколько хочешь, но это будет меня напрягать. К тому же я стану думать, что ты не доверяешь мне.

– Хорошо. Я поеду домой и буду ждать твоего звонка. Что купить по дороге?

У нее по спине пробежали мурашки.

– Минеральную воду и что-нибудь поесть. Я постараюсь не испытывать твоего терпения...

Этот разговор происходил девятого июля в среду, а уже десятого числа в четверг он звонил своему другу Виталию Минкину и умолял его бросить все дела и встретиться с ним

в кафе «Лира», что возле консерватории.

– Если тебе рассказать, что со мной произошло, – все равно не поверишь. Но это – правда. И доверить ее я могу только тебе. Может, ты слышал... Вчера в три часа дня в собственной квартире была застрелена девушка, Лариса Иванова.

– Миша, что такое ты говоришь? Разве ты можешь иметь к этому какое-то отношение? И почему ты так нервничаешь? – Виталий Минкин, красивый молодой мужчина, смуглый, а оттого предпочитающий носить все белое и равнодушный к золоту (Миша знал, что у него даже на щиколотках по три золотые цепочки, не считая массивного золотого перстня на пальце, золотых часов и золотых побрякушек на шее), хлебнул холодного пива и достал сигарету. – Ты знал ее?

– Да, знал... Она убита из пистолета, прямо в упор. Какая-то сволочь убила ее, и я должен знать имя убийцы.

– Ты думаешь, я способен найти этого убийцу? Если ты не забыл, я занимаюсь протезированием зубов.

– Тебе надо пойти в «крымовское» агентство, слышал о таком?

– Слышал. Подруга моей жены обращалась к ним, чтобы проследить за мужем... Они хорошо работают, но дорого берут.

– Так вот, тебе надо встретиться с Игорем Шубиным, объяснить ему, что ты – посредник, что тебя попросили передать ему аванс в пять тысяч долларов, чтобы он начал расследование этого убийства. Понятное дело, что он станет те-

бя расспрашивать о заказчике, то есть обо мне. Тяни время. Конечно, рано или поздно они вычислят меня, но пока я не хотел бы светиться. Мне очень важно знать, кто убил Ларису Иванову и за что. Если денег будет мало, я заплачу еще. Кроме того, ты должен будешь поехать в морг...

– Куда?

– В морг, я дам тебе адрес... Там договоришься с судмедэкспертом о том, чтобы тело Ларисы опознала ее подруга...

– А ты сам, значит, не хочешь светиться... Ты что, думаешь, я совсем идиот? Зачем мне все это?

– Это надо мне. Во всем городе я доверяю только тебе, Виталий.

– Так доверяешь, что не можешь сказать мне, какое отношение ты имеешь к этой женщине?

– В этом-то весь смысл... Так сделаешь то, о чем я тебя прошу?

– Конечно, сделаю. Но если ты втянешь меня в криминальную историю, все мои клиенты останутся без зубов, а я – без работы.

– Вот такой ты мне больше нравишься. Я всегда завидовал твоему чувству юмора.

– Она была твоей любовницей? – с кислой миной спросил Минкин, и в тоне его Горный уловил обреченность, ему стало жаль своего благополучного и очень осторожного по характеру друга. Вот Виталий точно никогда бы не влип в такую историю. И никогда бы не рискнул сделать девушке

предложение, совершенно не зная ее, а лишь повинуюсь какому-то древнему как мир инстинкту и еще одному, прежде неведомому Горному чувству, похожему на интуицию, которое подсказало ему, что только с Ларисой он будет счастлив и обретет наконец спокойствие.

– Минкин, не задавай лишних вопросов. Поезжай в агентство, вот тебе визитка Игоря Шубина. Он толковый парень, объяснишь ему все, как я сказал.

– Я слышал, Крымов здесь... – тихо произнес Минкин.

– Это уже не Крымов, а его тень. Я видел его как-то в городе, мы даже поздоровались, поговорили... Или он болен, или чем-то сильно озадачен. Он очень плохо выглядел.

– Да пьет, наверное.

– Почему ты так решил?

– Да потому что все вокруг пьют. Ладно, давай визитку... Ты, Горный, в своем репертуаре – вечно хочешь выйти сухим из воды...

– Все хотят выйти сухими из воды. Вот тебе деньги. – Он протянул ему конверт. – Позвони мне, когда договоришься с Шубиным. Так, эксперт... – вдруг вспомнил он. – Думаю, что за сто баксов ты без труда найдешь с ним общий язык... Вот, держи еще сто долларов... Значит, так. Когда все сделаешь, подъедешь к моему дому, позвонишь мне, я выйду, но не один, а с женщиной. Не спрашивай, с кем, ты ее все равно не знаешь. Она будет опознавать труп. И все это должно остаться в тайне, понимаешь? Другими словами, ты ку-

пишь молчание судмедэксперта относительно нашего визита и опознания.

– Да он же проболтается! Тому же Шубину! Все они там повязаны, Шубин отстегивает всем за информацию, они же этим живут.

– Именно это-то мне и нужно.

– Ну, тогда я ничего не понимаю. Это, вероятно, не для средних умов. Миша, я берусь тебе помочь только из-за нашей давней дружбы, а ты не можешь объяснить мне, что вообще происходит и какое отношение ты имеешь к этой убитой девице. Если хочешь знать, у меня все поджилки трясутся. Куда, куда ты меня тянешь?

– Не дрейфь, я тебе потом все объясню.

Минкин ушел, а Михаил Горный еще с полчаса посидел в кафе, погруженный в свои невеселые мысли.

«Ты мне так и не рассказала ничего...»

«...ничего рассказывать. Я устала, вот и все. Кроме того, тебе не пришло в голову, что меня сама судьба разбудила и послала тебе навстречу? А? Ты же видишь, что я не могу тебе объяснить, почему уехала из пансионата

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.